

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-51
EDN: TAGGZR

Генезис жанра «рассуждение» в русском языке

Екатерина Александровна Кытманова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Государственный университет просвещения. 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2
ekaterina__k@hotmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-5200-2815>

Аннотация. Целью данной статьи является анализ происхождения жанра «рассуждение» и этапов его становления с позиций лингвокультурологического подхода и понимания жанра как культурной формы. Актуальность данного исследования вызвана необходимостью расширения теоретических представлений о жанре как о сложном лингвокультурном феномене, находящемся в непрерывном развитии и требующем интегрированного подхода, основанного на историческом принципе, для своего изучения.

В работе выделяются этапы «дореклексивной» стадии в становлении жанра, которые включают: формирование «социального заказа» на новую культурную форму; формирование личности, способной выполнить «социальный заказ» на новую культурную форму и «конкурс» культурных форм.

Доказывается, что «рассуждение» достигает «рефлексивной» стадии (т. е. появления номинации жанра) в произведениях протопопа Аввакума как в результате общих изменений, произошедших в коммуникативной ситуации и когнитивном развитии русского общества второй половины XVII в., так и благодаря индивидуальной рефлексии автора.

В ходе дискурсивного анализа полемической литературы представителей новообрядческой (Симеон Полоцкий) и старообрядческой (поп Лазарь, протопоп Аввакум) церкви делается вывод о формировании жанра «рассуждение» в рамках полемического дискурса в результате «конкурса» нескольких форм, которые, согласно риторической традиции, можно соотнести с судебным, совещательным и эпидейктическим типами речи.

Дается общая характеристика жанра «рассуждение» в его коммуникативном, когнитивном и семиотическом компонентах. Отмечено, что в коммуникативном компоненте жанр «рассуждение» отличается равностатусными отношениями автора и читателя и тяготеет к скрытому диалогизму, в когнитивном компоненте – основывается на сравнении, противопоставлении и оценке, а в семиотическом – сочетанием церковнославянского и русского языков.

Ключевые слова: жанр; «рассуждение»; культурная форма; полемический дискурс; лингвокультурологический подход; коммуникативный; когнитивный и семиотический компоненты жанра

Для цитирования: Кытманова Е. А. Генезис жанра «рассуждение» в русском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 51–61. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-51>. <https://elibrary.ru/TAGGZR>

Original article

Genesis of the genre «reasoning» in the russian language

Ekaterina A. Kytmanova

Candidate of philological sciences, assistant professor at the department of foreign languages, State university of education. 105005, Moscow, Radio str., 10A, bld. 2
ekaterina__k@hotmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-5200-2815>

Abstract. This article aims at analyzing the origin of the genre «reasoning» and the stages of its evolution from the point of view of the linguo-culturological approach and understanding of the genre as a cultural form. The relevance of this study is caused by the need to expand theoretical understanding of genre as a complex linguo-cultural phenomenon which is constantly evolving and requires an integrative approach based on the historical principle for studying.

The author distinguishes the stages of the «pre-reflective» stage in the genre development, which include: forming a «social order» for a new cultural form; forming a personality capable of fulfilling the «social order» for a new cultural form and a cultural forms «competition». It is proved that «reasoning» reaches the «reflective» stage (i.e. the emergence of genre nomination) in the works of Archpriest Avvakum both as a result of general changes that occurred in the

communicative situation and cognitive development of the Russian society in the second half of the XVII century, and due to the author's individual reflection. The discourse analysis of the polemical literature written by representatives of New Believers (Simeon Polotsky) and Old Believers (priest Lazarus, Archpriest Avvakum) leads to the conclusion that the «reasoning» genre was formed within the framework of argumentative discourse as a result of the competition between several literary forms which, according to the rhetorical tradition, can be correlated with the judicial, deliberative and epideictic types of speech.

The article characterizes the genre in its communicative, cognitive and semiotic components. The communicative component features the equality of author–reader relationship and hidden dialogue, the cognitive one is based on comparison, opposition and assessment, and the semiotic component presents the combination of Church Slavonic and the Russian language styles.

Key words: genre; rassouzhdeniye (reasoning); cultural form; argumentative discourse; linguo-cultural approach; communicative; cognitive and semiotic components of the genre

For citation: Kytmanova E. A. Genesis of the genre «reasoning» in the Russian language. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):51–61. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-51>. <https://elibrary.ru/TAGGZR>

Введение

Если рассматривать жанр как историческое явление с позиций культурологии, то генезис жанровой формы, так же, как и культурной, осуществляется в несколько этапов: «возникновение новой потребности в обществе; осознание этой потребности; формулировка требований к необходимой новации; возникновение нескольких вариантов новации; конвенциональный выбор лучшего варианта. Далее происходит интеграция возникшей культурной формы в социальную практику, символическое освоение новации обществом в качестве своей; превращение культурной формы в норму или стандарт» [Флиер, 1998, с. 308].

Таким образом, первый этап формогенетического процесса в культуре представляет собой формирование «социального заказа» на новую культурную форму, за которым следует второй этап – появление людей, способных и готовых выполнить функции исполнителей этого «заказа»; на третьем этапе происходит «конкурс» предложенных обществу вариантов новой культурной формы, а заключительный этап генезиса культурной формы – интеграция этого варианта в действующую культурную систему.

Данное видение формогенеза можно сопоставить со стадиями развития жанра в концепции С. С. Аверинцева, согласно которой в историческом измерении жанр проходит две стадии: дорефлективную и рефлективную, соответственно двум состояниям литературы (дорефлективного и рефлективного традиционализма) [Аверинцев, 1986]. Функция речевого жанра на этапе его возникновения (начальная точка «дорефлективной» стадии) – вербальное обеспечение (обслуживание) некой деятельности, протекающей во внелитературной ситуации, следовательно, данную стадию можно соотнести с двумя первыми этапами гене-

зиса культурной формы. В процессе «конкурса» вариантов формы и конвенционального выбора происходит их осознание, рефлексия, которая ведет к обособленности жанра, его самостоятельности и закреплению за ним канона, что говорит о наступлении «рефлективной» стадии.

Ключевым моментом перехода от одной стадии к другой, на наш взгляд, является процесс номинации жанра. Несмотря на то, что жанр – результат коллективной деятельности, общественного сознания, в каждом конкретном авторском тексте мы имеем дело с индивидуальным сознанием, и момент рефлексии наступает у отдельно взятой личности, следовательно, момент зарождения жанра можно зафиксировать, по крайней мере в тех культурах, где личностное начало достаточно ярко выражено.

Об этом «проблеске» личностного сознания на фоне поддержки общественного сознания писал А. Н. Веселовский, анализируя условия становления эпической поэзии: «личный поэтический акт без сознания личного творчества, поднятие народно-политического самосознания, требовавшего выражения в поэзии; непрерывность предыдущего песенного предания, с типами, способными изменяться содержательно, согласно с требованиями общественного роста» [Веселовский, 2006, с. 61]. Концепции о том, что жанроопределение является прерогативой личности, придерживаются и современные ученые [Загуменнов, Маматов, 2023].

Целью данной статьи является анализ происхождения жанра «рассуждение» и этапов его становления с позиций лингвокультурологического подхода и понимания жанра как культурной формы [Кытманова, 2022].

Полемический дискурс в России XVII в. Формирование «социального заказа» на новую культурную форму

Несмотря на то, что научные тексты в жанре «рассуждение» появляются в русском языке лишь в XVIII в., формирование жанра начинается уже во второй половине XVII в. в полемическом дискурсе представителей официальной церкви и старообрядчества. В эпоху борьбы с расколом возникают новые формы коммуникации. Если письменная коммуникация в предыдущие эпохи протекала преимущественно в рамках религиозного и судебно-делового дискурсов, то с конца XVI – начала XVII вв. она осуществляется в полемическом (публицистическом) дискурсе.

Поводом к дискуссии послужило издание «Скрижали» (1656), труда некоего Иоанна Нафанаила, инициированное патриархом Никоном и призванное стать своеобразным комpendиумом текстов и обрядов православной литургии, объясняя её символичность.

В «Скрижали», однако, русские протопопы и попы увидели только апологию никоновских нововведений и разительные расхождения с основными положениями христианского вероучения предков и Символом веры. Их основные доводы против никоновских реформ были изложены в «Челобитной» Никиты Добрынина и «свитках» романо-борисоглебского попа Лазаря (1665–1666 г.). Со стороны официальной церкви последовал незамедлительный ответ в виде двух произведений: «Опровержения» Паисия Лигарида и «Жезла правления» Симеона Полоцкого, – хотя только последнее было утверждено Большим московским собором 1666–1667 гг. Ответом на «Жезл правления» были «Челобитная попа Лазаря царю Алексею Михайловичу» (1668) и «Книга бесед» (1668–1675) протопопа Аввакума, написанные ими в Пустозерске. Таким образом, интересующий нас дискурс охватывал около двадцати лет, за которые и был сформирован жанр «рассуждение».

В рамках нового полемического дискурса возникли новые коммуникативные отношения. Существовавшие в религиозном и судебном дискурсах отношения по типу «Я – Другой», где в качестве «Другого» были либо лица вышестоящие (Бог, царь, судья и другие представители власти), либо нижестоящие (ученики, паства), заменяются на отношения, предполагающие равенство и соперничество. В новых коммуникативных условиях респондентом говорящего/пишущего была уже не покорная паства, но

достойный и враждебно настроенный оппонент. Задача состояла в том, чтобы доказать свою правоту, разбив все доводы противника, что вызывало необходимость в аргументации.

В когнитивном плане изменения были также существенны. Спор о догматах веры перекрывался диспутом о «внешней» и истинной мудрости. Это был давний спор «латинства» с православием, который вел еще Максим Грек с Николаем Булевым, но особенно остро полемика проходила в русских юго-западных землях, где католическая контрреформация в лице иезуитов и униатов стремилась доказать православным несостоятельность их доводов в силу отсутствия в их землях образования и наук. Ожесточенные споры об этом вели Иван Вишенский с Петром Скаргой, а позднее – Исая Копинский с митрополитом Петром Могилей.

Дискуссия охватывала не только вопросы веры и обрядовости, но знания, науки и языка. Так, иезуит П. Скарга, например, выступал не только против православия, но и церковнославянского языка, поскольку тот не имел школы, на нем не преподавались науки, свободные искусства, философия. Русские в противовес этому утверждали, что науки и литература – греховное дело, поэтому их нет на церковнославянском языке. Иван Вишенский рассуждал о «внешней мудрости», считая её *«хитрой и сварливой, любопретиральной»* премудростью, которая *«есть мерзска и глупа пред богом»* [Вишенский, 1955, с. 179].

В противостоянии Петра Могилы и Исая Копинского также возникают вопросы «истинного» и «ложного» знания: Исая Копинский горячо осуждал обращение Петра Могилы за научной помощью к своим религиозным противникам – католикам и протестантам, которые основывали обучение и познание на риторических традициях.

Аналогичная полемика сложилась и в России между никонианами и старообрядцами. Сосредоточенность данной полемики на проблемах невежества и знания показывает, что эти проблемы во второй половине XVII в. выходят на первый план. По замечанию Т. В. Панич, «обличение невежества в сочинениях, направленных против раскола, приобретает особое значение и используется их авторами в качестве средства дискредитации оппонентов» [Панич, 2024, с. 153].

Таким образом, «знание» становится новым референтом (темой сообщения) в полемическом дискурсе, а изменение референта, «предметно-смысловые (тематические) соображения», согласно Бахтину, являются одним из факторов,

подталкивающих говорящего к выбору определенного речевого жанра [Бахтин, 1986, с. 270]. Однако при отсутствии такового возникает необходимость приспособления старых жанровых форм к новым условиям коммуникации через разрушение конвенций средневековых жанров как религиозного (беседы, проповеди, толкования), так и судебного-делового дискурса (челобитные, послания).

В отличие от своих оппонентов, раскольники намеренно не хотели пользоваться инструментами диалектики и риторики, считая их неприемлемыми для истинных христиан, несовместимыми с православной верой, однако, беря за образец тексты апостольских посланий и отцов церкви и отталкиваясь от текстов никониан, они поневоле копировали риторические стратегии и приемы и тех и других, создавая своеобразный синтез аристотелевской риторики в её античной, новозаветной и схоластической формах, а также сочетая барочные приемы создания эмоциональности с сухой рациональностью судебной речи.

В плане формы сложилась парадоксальная ситуация: сторонники никоновских реформ и новой церкви использовали в своей полемике старые схоластические богословско-полемические трактаты, сочетая «традиции церковнославянской книжности с требованиями схоластического барокко» [Робинсон, 1974, с. 22], а старообрядцы вели активный поиск новых форм и в итоге стали создателями нового жанра – рассуждения.

Формирование личности, способной выполнить «социальный заказ» на новую культурную форму

Реформы в русской православной церкви, укрепление абсолютизма и ориентация на культурные модели западноевропейского общества, породившие раскол, способствовали также и развитию сознания русского человека, что отразилось в его речи и текстовой деятельности. Новым элементом в сознании стала самостоятельность мышления, относительная независимость от авторитетов Священного Писания и отцов церкви, на которые преимущественно опиралось средневековое мировоззрение.

Сознание русского человека «проснулось», приобрело самостоятельность в богословско-судебных дебатах второй половины XVII в. Согласно теории культурных формаций А. Н. Ужанкова, события указанного времени соответствуют третьей культурной формации, которая основана на «аутоцентризме» и для которой характерна «секуляризация сознания», «осознание

и выражение авторской позиции» [Ужанков, 2022, с. 18].

Однако это происходит далеко не сразу и не у всех русских писателей. Первоначально представители старообрядчества излагали свои взгляды на церковную реформу в челобитных, «свитках» и «росписях», обращенных к царю, которые даже были не столько взглядами, сколько подробным изложением несоответствий, которые раскольники принимали за проявление древних ересей.

Старообрядцы с надеждой писали царю свои челобитные, общаясь с ним на равных, в их текстах не было и намека на инвективу: «Тому единению челобитчика и царя способствовала особая целостность народа и власти, разрушенная Алексеем Михайловичем в его неудержимом стремлении укрепить абсолютизм» [Бекасова, Миронова, 2015, с. 86].

Однако жесткий отпор, который старообрядцы встретили со стороны властей и их приспешников в виде не только «возобличений» Симеона Полоцкого в «Жезле правления», но и в виде казней и ссылок, стал своеобразным триггером в запуске механизма рефлексии, которая и стала основой сопротивления и нового мышления.

По мнению психологов, саморефлексия является необходимым этапом в становлении теоретического мышления. Открытие рефлексии способствовало не только глубокому и тонкому постижению человеком своего внутреннего мира, осознанию своей личности, но также становлению абстрактного мышления, с механизмами самоанализа оттачивались и механизмы когниции. Согласно В. В. Давыдову, теоретическое мышление не вырастает из эмпирического, но имеет собственный цикл развития и ряд характерных черт, таких как анализ, рефлексия и мысленный эксперимент [Давыдов, 1986, с. 131].

Такой личностью, способной к рефлексивно-му мышлению и глубокому осознанию социальных процессов и духовных нужд русского народа, стал протопоп Аввакум. Через описание своего «Жития» протопоп Аввакум смог выработать свободу мысли, и её изложения на родном языке, отвлеченность от авторитетов прошлого, и был способен изменить вектор коммуникации – не от человека к Богу, а от человека к человеку (индивидуальный и массовый реципиент).

К существующим коммуникативным отношениям добавляется также тип «Я – Я», то есть возникает явление автокоммуникации, описанное Ю. М. Лотманом. По мнению ученого, передача информации по каналу «Я – Я» приводит к изменению самого этого «Я», перестраивает

сущность личности, делает её способной развивать большую духовную активность [Лотман, 2010].

Хотя рефлексия как личное отношение к предмету внимания пронизывает все тексты Аввакума, ему также не чужд тип коммуникации «Я – Другой», который позволяет ему оставаться в живейшем контакте с собеседником, запуская своеобразный маятник кодов и сообщений, составивший ритмический рисунок нового жанра. Здесь речь идет о способности «рассуждения» не только транслировать, но и генерировать новую информацию.

«Конкурс» культурных форм

Как уже было указано, в полемике вокруг порядовости и качества «старых» и «новых» книг участвовало несколько произведений, однако подлинное «состяжание» новых форм, которое вылилось в полемическое обсуждение вопросов знания, его истинности, методов получения знания, обозначенное участниками спора как столкновение «внешней» и божественной мудрости, состоялось между «Жезлом правления» Симеона Полоцкого, «Челобитной царю Алексею Михайловичу» попа Лазаря и беседой «О внешней мудрости» протопопа Аввакума.

Хотя некоторые исследователи и относят «Жезл правления» к полемическим трактатам [Елеонская, 1978] или богословско-полемическим трактатам [Борисенко, 2015], полемическая ценность книги невысока. Система доказательств Полоцкого ограничена однотипными аргументами против раскольников, сводящимися, главным образом, к обвинениям последних в необразованности и глупости. Тексты раскольников, содержащие критику положений «Скрижали», предстают весьма сокращенными и лишены контекста, что позволяет Симеону Полоцкому создать «превратное впечатление о ходе мыслей своего оппонента» [Белянкин, 2013, с. 45].

Сомнения возникают также и по поводу отношения «Жезла» к трактатам, поскольку в трактате «обмен мнениями и критика занимают подчиненное место по сравнению с выражением собственной позиции; пересказ всех известных точек зрения фрагментарен, ссылки на авторитеты выполняют служебную функцию и предназначены для обоснования авторской идеи» [Касавин, 2009, с. 992]. Симеон Полоцкий ставил перед собой не столько задачу обоснования своей позиции в религиозном споре, сколько изложения постановлений и решений Большого Московско-

го собора 1667 г. Книга была обращена как к сторонникам старой веры, так и к широкой аудитории русского общества с целью перетянуть её на сторону официальной церкви и царской власти в полемике с раскольниками.

Многозадачность «Жезла» нашла отражение в его структуре. Это довольно объемное произведение (154 л.) содержит два обращения (к царю Алексею Михайловичу от патриарха Иоасафа и «Къ благочестивому читателю» от автора), два предисловия (к первой и второй частям книги), два эпиграфа из Псалтыри, 100 глав, каждая из которых разделяется на «обличение» и «возобличение», а также эмблему (графическое изображение жезла, составляющее единое целое с эпиграммой) и анаграмматические вирши, в которых автор зашифровывает свое имя.

«Возобличения» Полоцкого, по сути, представляют собой инвективы. Они редко посвящены абстрактным предметам, поскольку ставят своей целью опровергнуть конкретные высказывания раскольников, однако некоторые из «возобличений», касающиеся грамматических вопросов, могут быть рассмотрены в качестве примеров рассуждения, например «возобличение» на 10-е «обличение» Лазаря против изменений в написании имени Иисус.

Форма полемики, предложенная Полоцким, хотя и была малознакома русскому читателю XVII в., не знавшему схоластики, тем не менее, не отличалась новизной и вполне укладывалась в аристотелевские каноны судебной речи. Произносимые от имени судьи и обращенные к потенциальным судьям – читателям «возобличения» «Жезла» призывали «мысленными, блѣгоразумными смотрѣти очима», преследуя цель обвинять раскольников и оправдывать все постулаты новой церкви [Жезл, 1667, л. 18].

Аргументация Полоцкого в 10-м «возобличении» строится на доказательствах трех видов: использование топоса «аргументы от авторитета» (причем Грамматика Мелетия Смотрицкого является для автора более надежным источником, чем Священное Писание или Апостол (возможно, львовского издания 1639 г.), из которого Полоцкий приводит свидетельство Сивиллы о том, что в имени Спасителя заключается число 888); апелляция к «здравому» смыслу читателя (с помощью риторических вопросов: «ниже на оумъ комѹ ѿт православныхъ възиде, въ два лица Хрѣста Гда раздѣленіе») и собственные рассуждения.

Однако рассуждения Полоцкого не столько логические, сколько догматические. В них пре-

обладают глаголы «подобаетъ», «годствуетъ» и выражение «блюдомъ быти» [Жезл, 1667, л. 99–100]. Зачастую автор манипулирует фактами (например, утверждает, что в слове *Иисусъ* три слога в греческом, латинском и славянском языках, что не соответствует истине, поскольку в латинском языке — два слога (*Jesus*), а в славянском — четыре, но автор убирает неудобный «еръ» в еле заметный паерок — «с□с»), либо приводит суждения без всякого обоснования, а иногда даже нарушает нормы славянского языка.

Так, например, в ответе на 13-е обличение Лазаря о том, что в «Шестоднев» напечатано «Христосъ воскрьсе, никто же не върѣть», Полоцкий отвечает: «сѣѣбѣе ѿреченіе творить оувѣщаніе. Якоже здѣ, никтоже не върѣть, тожде знаменѣть, еже всакъ върѣть» [Жезл, 1667, л. 101].

Б. А. Успенский объясняет это явление тем, что Симеон Полоцкий «исходит при этом из латинской грамматики, где двойное отрицание означает утверждение; известно вообще, что он изучал церковнославянский язык по латинской грамматике — церковнославянский и латынь объединяются им как книжные языки» [Успенский, 1994, с. 347].

Несмотря на одобрение «Жезла» правящими кругами, в народе книга Полоцкого не пользовалась популярностью и ее агитационный посыл за новую церковь не привел к исчезновению старообрядчества. Возможно потому, что автору не удалось соблюсти ни одного из трех условий, вызывающих, согласно Аристотелю, доверие к говорящему, а именно: рассудительность, добродетельность и доброжелательность.

Никому не известный на Руси Симеон Полоцкий не мог похвастаться своей добродетельностью, его рассудительность, не опирающаяся на авторитетные для русского православия книги, не могла вызвать восхищения, а о доброжелательности в образе карающего жезла и говорить не приходится. Даже многочисленные афоризмы, к которым прибегал Полоцкий в надежде преодолеть «догматизм» русских людей, не вызывали ни понимания, ни сочувствия у читателей. Как справедливо отмечает Демин, «чем больше Симеон повторял или пояснял свои афоризмы, тем, следовательно, меньше он был уверен в читателях „Жезла“» [Демин, 1982, с. 72].

Таким образом, форма рассуждения, предложенная Полоцким и больше ориентированная на судебный тип речи, имела слабые стороны в коммуникативном (отсутствие контакта с массо-

вым реципиентом), когнитивном (догматизм) и семиотическом (опора на церковнославянский язык, а не живую русскую речь) не могла стать конкурентноспособной в русском полемическом дискурсе.

В отличие от Симеона Полоцкого, главная цель которого была угодить царю, старообрядцев интересовал поиск истины и восстановление справедливости. Так, поп Лазарь писал челобитную с целью предупредить царя о надвигающейся катастрофе, которая неизбежно наступит, если не отменить результаты церковной реформы.

Между тем «Челобитная» Лазаря нарушает жанровый канон как по объему (документ включает 30 глав), так и по содержанию. Структура челобитной представляла собой 3-частную композицию, включающую заголовок (формула адресата-адресанта); основную часть — содержание челобитной (подразделялась на казусную часть, где излагались обстоятельства дела, мотивы и основания обращения с просьбой и изложение просьбы, указание на те действия, которые были бы желательны для челобитчика в связи с его жалобой) и концовку — конечный протокол документа [Волков, 1974, с. 22].

Отступления от канона начинаются уже в заголовочной части, где Лазарь начинает не с привычного обращения к царю с перечислением всех его титулов, а с вопроса (*почто новіи учителя истожили крестъ Христовъ*), предваряемого краткой формулировкой обращения (*царю благородну*), за которой следуют цитаты из речей апостола Павла и Григория Богослова.

В заголовочной формуле также отсутствует фразеологизм *бе (бьют) челом* (или *бьет челом и извѣщает, бьет челом и являет, бьет челом и плачется*), который «всегда располагается между данными об адресате и сведениями о челобитчике. Отступления от этого правила необычайно редки» [Волков, 1974, с. 42–43]. Конечный протокол также не содержит необходимых формул, но раскрывает истинную цель «Челобитной»: «самъ себе вразумляй, насъ же юзниковъ благослови, содержащихъ законъ отецъ твоихъ, да и самъ отъ Бога благословенъ будешь» [Материалы, с. 284].

Примечательно, что в отсутствии обязательных частей «Челобитная» Лазаря содержит дополнительные, не свойственные челобитным, а именно «Преднаписаніе ко царю благородному». Постараемся определить назначение данной части исходя из семантики слова *преднаписаніе*. Словарь русского языка XI–XVII вв. дает следующее значение слова: «предварительные сведе-

ния, предисловие» [Словарь русского языка XI–XVII вв., 1992, с. 198], а Словарь русского языка XVIII в. наряду с «предисловием» упоминает «предписание» и «требование» [Словарь русского языка XVIII в., 2024, с. 216]. Хотя «Преднаписание» и помещается Лазарем в начало «Челобитной», его задачей является не вступление к основному тексту, а предписание, «советование» царю определенных действий, что позволяет отнести текст «Челобитной» к типу речей совещательных, согласно риторической традиции.

Что же касается способов убеждения, то в «Челобитной» используется больше примеров, чем рациональных доводов (энтимем). Лазарь апеллирует как к прошлому, начиная с истории рода Романовых, пример которого он являет царю Алексею Михайловичу, так и к апокалиптическим картинам будущего. Между тем, несколько глав «Челобитной» содержат части, которые сам Лазарь обозначил как «рассуждения» (глава 12 «О лживых учителях», 16 «О новой жертве», 21 «О святѣй церкви Христовѣ» и 26 «О горѣ, иже мимо ходитъ»).

В главе 12 Лазарь по сути ставит вопрос об истинном и ложном знании, хотя и формулирует его как рассуждение *«о лживых учителях»*, текст которого предваряется неточной цитатой из Евангелия от Матфея (6:22): *«Свѣтильникъ тѣлу есть око, и аще око твое просто будетъ, не имый нѣкія части темны, все тѣло твое свѣтло будетъ; и аще око твое лукаво будетъ, все тѣло твое темно будетъ»*, вводящей тему ока-разума (*глаголетъ здѣ не чувственное око и тѣло, но умное*) [Материалы, 1876, с. 237]. Разум же, в понимании Лазаря, идет от церкви, отсюда и перифраз из 1 послания апостола Павла коринфянам (12:27) – *вы есте тѣло Христово и уди отъ части*, в котором речь идет о теле как церкви вселенской и ее частях (одной из которых являлась церковь коринфская) [Материалы, 1876, с. 238]. Таким образом Лазарь выходит на волнующую его тему разлада в русской православной церкви.

В следующей цитате содержится намек на никониан, которые считали себя сильными в языках, как и коринфяне (согласно толкованию Иоанна Златоуста) и которых апостол Павел намеренно оттесняет в последний ряд авторитетов: *«И ѿвохъ оубѣ положи бгѣ въ цркви пѣрвѣ айліѣвъ, второе прѣрокѣвъ, третіе оучителей: потомъ же силы, таже дарованіа исцѣлѣній, застѣплѣніа, правлѣніа, рѣди азѣкъвъ»* (1Кор.12:28), а Лазарь относит к числу прочих: *«и овѣхъ положи Богъ въ церкви первое апосто-*

лы, второе пророцы, третіе учителя, потомъ же прочіхъ» [Материалы, 1876, с. 238].

Под «свѣтильником тела» Лазарь понимает учителей церкви, проводя параллель между евангельским текстом о друзьях и родственниках человека, которые могут оказаться людьми порочными, и чей развратный образ жизни может привести к гибели (Мф. 18:8), и ситуацией в русской новообрядческой церкви: *«Око есть свѣтитель, рука жѣ и нога прочіи учителя. И аще блаженное ученіе простирають намъ, подобаетъ такихъ откалатися и отскатися, аще и велики чиномъ будутъ. Унѣ есть съ послѣднимъ удомъ, еже есть учителемъ, внити въ царство небесное, нежели съ великими и многими учителями ввержену быти въ геену огненную»* [Материалы, 1876, с. 238], а их «блаженное ученіе» – в ложности и губительности для истинно верующих. Себе же автор приписывает дар *«разсужденіа дѣховимъ»*, то есть способность отделить истинное (от Духа Святого) учение от ложного, упоминание о котором также содержится в 12 главе апостольского послания.

Можно предположить, что «разсуждающий» тип речи был выбран Лазарем неслучайно: он пытался убедить царя принять правильное решение относительно судьбы русской церкви и опирался в этом на риторическое учение, возможно, почерпнутое им из так называемой Риторики Макария. Вероятность данного факта подтверждается тем, что Риторика была довольно распространена в церковных кругах, особенно у «справщиков» книг, к числу которых принадлежал и Лазарь. По данным исследователей [Анушкин, 2021], существовало не менее 34 рукописей, одна из которых была включена в сборник с «Книгой глаголемой Алфавит», созданный в Ярославле (Собр. Московской синодальной типографии № 1028), и, следовательно, вполне могла входить в круг чтения романо-борисоглебского попа Лазаря.

Тем не менее, форма рассуждения, избранная Лазарем, не могла быть конкурентоспособной по следующим причинам. Будучи частью челобитной, произведение имело не массового, а индивидуального реципиента, к тому же это было лицо не духовное (как Лазарь) и не располагающее достаточным знанием широкого контекста религиозной литературы, на который опирался автор в стремлении достичь своих целей. Препятствием к эффективной коммуникации был также низкий уровень рациональности и доказательности речи, с одной стороны, и высокая аллюзивная нагруженность и ригоризм – с другой.

В отличие от двух предыдущих рассмотренных нами «рассуждений», входивших в состав других текстов, беседа протопопа Аввакума «О внешней мудрости» является самостоятельным произведением, хотя и включенным в цикл. Это обстоятельство, а также то, что текст имеет подзаголовок, указывающий на то, что это именно «рассуждение», позволяет говорить о новации в области жанра.

Хотя Аввакум и ориентировался на беседы-гомилии Иоанна Златоуста, которого особенно почитал, однако между ними и беседой «О внешней мудрости» существует ряд характерных различий. Иоанн Златоуст преследовал цель распространения христианского вероучения. Его адресатом были прихожане церкви, паства, которую необходимо было наставлять и воспитывать. У протопопа Аввакума целью беседы была полемика с противниками, отступниками от истинной веры, его реципиентом является не только паства, но и люди одного с ним статуса – священники.

«Беседа» начинается с тезиса, выдвинутого в первом послании апостола Павла коринфянам, однако далее Аввакум не растолковывает, не объясняет текст послания, как это было в традиционных беседах, обращенных к пастве, а произносит собственную речь, имеющую острую полемическую направленность. Обращение к авторитету апостольского послания лишь стимулирует сопоставление двух абстрактных понятий, двух концептов, которые становятся темой рассуждения протопопа: истинной и «внешней» мудрости.

Истинная мудрость, по мнению Аввакума, основана на христианской вере, а внешняя – на пресловутой «учености», заключающейся в гадании по звездам и составлении гороскопов. Данные концепты противопоставляются Аввакумом по 3 пунктам: соотношение познания и веры; отношение к аскетизму; отсутствие / необходимость изменений в религиозном культе.

Рассуждение начинается со скрытого сравнения: никониане приравниваются к астрологам и составителям гороскопов (*алманашники, и звездочеты, и вси зодейшики*), которое далее по тексту проявится во фразах: «*Виждь, гордоусец и алманашиник, Виждь безумной зодийшик, никониян окаянный*» [Аввакум, 1989, с. 105]. К этой же категории лиц Аввакум причисляет и библейских персонажей (*блядивый Неврод*), и древнегреческих богов (*Зевес прелатай, блудодей, Ермис пияница, Артемида любодейца*), и философов (*Платон, Пифагор, Аристотель, Диоген*)

и ученых (*Иппократ, Галин*). Действия их сравниваются с притязаниями дьявола, неточную цитату о котором Аввакум берет из Книги Исайи XIV (13–14): «*поставлю престол мой на небеси и буду подобен Вышнему*».

Представителям «внешней мудрости» противопоставляются истинные христиане, которые «*достизают не мудрости внешния, – поразумевати и луннаго течения, – но на самое небо восходят смирением ко престолу царя славы, и со ангелы сподоблятися славити Бога; души их во благих водворяются, а телеса их на земли не тленни быша и есть*» [Аввакум, 1989, с. 105].

Таким образом, в отношении познания и веры создается смысловой контраст: «внешняя» мудрость, являющаяся проявлением гордыни и себялюбия, обречена на смерть, забвение и адские муки, а истинная мудрость как проявление смирения, веры и любви к Богу – это путь к спасению и вечной жизни. В качестве аргументов предъявляются ссылки на факты истории иудейской и древнегреческой (Хронограф и хроники), подкрепленные цитатами из Ветхого Завета и аллюзиями к трудам святых отцов («Беседы» Иоанна Златоуста).

Следующим аспектом сравнения двух концептов является отношение к аскетизму как норме жизни христианина. Поведение никониан обличается, поскольку нарушает эту норму. Отмечается их склонность к гедонизму и невоздержанности: будь то еда или плотские утехы. Аввакум прибегает к наглядной аргументации, предлагая читателю-никонианину взглянуть на самого себя (*Посмотри-тко на рожу-ту, на брюхо-то, никониян окаянный*) и на лики святых (*Воззри на святые иконы*) [Аввакум, 1989, с. 105–106], чтобы ощутить зрительный контраст между собственным полным телом и изможденными телами святых. Здесь на помощь рассуждению приходит описание, от которого автор переходит к третьей части своей обличительной речи – доказательству враждебности никоновских реформ, исходящих от «внешней» мудрости, истинному христианству.

Главным аргументом третьей части полемики является повествование о поступках сторонников новой веры и «милых» христиан. Первые изменяли каноны иконописания и церковной службы, проводили несправедливые судилища, сопровождавшиеся жестокими наказаниями и гонениями, а вторые противопоставили им самосожжение как проявление истинной веры. Аввакум обращается к памяти читателей, вплетая в повество-

вание и события собственной жизни, и повседневные крестьянские будни.

В качестве заключения речи-беседы звучит нравоучение, завершаемое молитвой, возвращающей читателя к апостольскому посланию и символически обозначающей воссоединение с Богом, что и является единственной истиной для верующего человека.

Приводя систему доказательств, Аввакум создает не только смысловой, но и композиционный и стилистически экспрессивный контраст: в нейтральную аргументацию, которая поначалу стремится быть логической, прорываются эмоциональные пренебрежительные нотки просторечия как характеристика «внешней» мудрости, и противостоящее им торжественное церковно-книжное описание мудрости истинной. Данный контраст проявляется на интонационном, лексическом и синтаксическом уровнях.

Беседу «О внешней мудрости» можно отнести к речам эпидейктическим. Задача эпидейктической речи – восхвалять или порицать. Так, восхваляя истинных христиан и порицая никониан, Аввакум использует в большей степени преувеличение, а не доказательство, что характерно для речей эпидейктических, в которых чередуются энкомии и порицания.

В расчлененной структуре аргументации Аввакума присутствует аналитизм, а не догматизм, как у Полоцкого. Автор беседы «О внешней мудрости» не навязывает своего мнения, а через риторические вопросы ведет диалог-спор с читателем, причем как с церковником, так и с простым крестьянином. Обращаясь к родному разговорному языку, народной лубочной литературе и смеховой культуре, Аввакум создает обобщенный образ «никонианина» посредством пародии на столь популярные в высших церковных и светских кругах вирши. Отказываясь от символизма и опираясь на жизненные примеры, здравый смысл, Аввакум отрицает метафоры и аллегории и не стремится манипулировать сознанием. Он принимает лишь одну высшую абстракцию – Бога, что делает его свободным от мистицизма.

Таким образом, в беседе Аввакума «О внешней мудрости» выстраивается следующая модель нарождающегося жанра: 1) небольшой объем и обращенность к одной теме (предмету исследования); 2) коммуникация «Я–Другой» на основе равенства автора и читателя; 3) обязательное наличие сравнения или противопоставления через систему оценок; 4) сбалансированность

книжной (аллюзии и цитаты) и разговорной речи (авторские размышления).

Заключение

Исходя из понимания жанра как культурной формы, можно заключить, что жанр «рассуждение» сформировался в русском языке в рамках полемикального дискурса в ходе конкуренции различных жанровых форм религиозно-дидактического и судебно-делового дискурсов и достиг к концу XVII в. «рефлексивной» стадии (появление номинации жанра) в произведениях протопопа Аввакума.

В коммуникативном компоненте жанр «рассуждение» отличается равностатусными отношениями автора и читателя и тяготеет к скрытому диалогизму. В когнитивном компоненте – основывается на сравнении, противопоставлении и оценке. В семиотическом – сочетает стили церковнославянского и русского языков.

Анализ риторической структуры текстов, относящихся к жанру «рассуждение», показал наличие в них особого типа аргументации, свойственного эпидейктической речи, сочетающей положительную и отрицательную оценочность.

Библиографический список

1. Аввакум. Из «Книги бесед» // Пустозерская проза: Сборник / сост., предисл., коммент., пер. отд. фрагм. М. Б. Плюхановой. Москва : Моск. рабочий, 1989. С. 95–108.
2. Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. Москва : Наука, 1986. С. 104–116.
3. Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика» XVII века. Текст. Перевод. Исследование. Изд. 3. Москва, 2021. 362 с.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. Изд. 2-е. Москва : Искусство, 1986. 445 с.
5. Бекасова Е. Н., Миронова Е. А. Образ автора и собеседника в челобитных протопопа Аввакума // Коммуникативные процессы в образовательном пространстве. 2015. С. 85–93.
6. Белянкин Ю. С. Проблема исправления Символа веры в антистарообрядческих произведениях второй половины XVII в // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 1. С. 39–50.
7. Борисенко К. Г. Богословско-полемикальный трактат Симеона Полоцкого «Жезл правления...» і традиції релігійної полеміки «Київської школи» // Полацкі музейны штогоднік : зборнік наукових артыкулаў за 2014 г., Полацк, 01 января – 31 2014 года. Полацк : Научно-исследовательское и просветительное учреждение культуры «Национальный Полоцкий ис-

торико-культурный музей-заповедник», 2015. Р. 206–219.

8. Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика. Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 668 с.

9. Вишенский И. Зачапка мудрого латынника з глупым русином. Москва–Ленинград : Изд-во Академии наук СССР. 1955. 372 с.

10. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века: Формуляр, традиц. этикетные и стилевые средства. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 164 с.

11. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментально-психологического исследования. Москва : Педагогика, 1986. 239 с.

12. Демин А. С. «Жезл правления» и афористика Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. 1982. С. 60–92.

13. Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва : Наука, 1978. 271 с.

14. Загуменнов А. В., Маматов Г. М. Речевой жанр «толкование» в эпоху русского церковного раскола XVII века с позиций герменевтического и лингвоперсоналогического аспектов (на материале «Книги толкований и нравоучений» Аввакума) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 15–23.

15. Касавин И. Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва : Канон + РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

16. Кытманова Е. А. Жанр как культурная форма // Русский язык: образование, наука, культура: Материалы международной научно-методической сессии, Москва, 23–25 ноября 2022 года / под общ. ред. С. М. Колесниковой. Москва : Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 26–32.

17. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Семиосфера. Санкт-Петербург : «Искусство – СПб», 2010. С. 163–177.

18. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита = Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова» / под ред. Н. Субботина. Т. 2.: Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. Ч. 2. Акты, относящиеся к собору 1666–1667 года, Т. 2. Москва : Тип. Э. Лиссер и Ю. Роман, 1876. 430 с.

19. Панич Т. В. Церковные писатели второй половины XVII века в борьбе с расколом // Исторический курьер. 2024. № 2 (34). С. 147–155.

20. Полоцкий Симеон. Жезл правления. Москва : Печатный двор, [10 февраля – 10 июня 1667]. 154 л.

21. Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Москва : Наука, 1974. 404 с.

22. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. Выпуск 18 (Потка–Пренадельный). Москва : Наука, 1992. 288 с.

23. Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 23 (Потрата – Пресветлый). Москва : Издательский Дом ЯСК, 2024. 352 с.

24. Ужанков А. Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры: Категории русской средневековой культуры: монография // Министерство культуры Российской Федерации, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. Москва : Ин-т наследия, 2022. 209 с.

25. Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века / Избранные труды: [в 2 т.]. Москва : Гнозис, 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 1994. С. 333–367.

26. Флиер А. Я. Форма культурная // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. Санкт-Петербург : Университетская книга. ООО «Алетейя», 1998. Т. 2. С. 307–308.

Reference list

1. Avvakum. Iz «Knigi besed» = From The Book of Conversations // Pustozerskaja proza: Sbornik / sost., pre-disl., komment., per. otd. fragm. M. B. Pljuhanovoj. Moskva : Mosk. rabochij, 1989. S. 95–108.

2. Averincev S. S. Istoricheskaja podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizacii = Historical mobility of the genre category: experience in periodization // Istoricheskaja pojetika. Itogi i perspektivy izuchenija. Moskva : Nauka, 1986. S. 104–116.

3. Annushkin V. I. Pervaja russkaja «Ritorika» XVII veka. Tekst. Perevod. Issledovanie = The first Russian «Rhetoric» of XVII century. Text. Translation. Research. Izd. 3. Moskva, 2021. 362 s.

4. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva = Aesthetics of verbal art / sost. S. G. Bocharov; tekst podgot. G.S. Bernshtejn i L.V. Derjugina; primech. S.S. Averinceva i S. G. Bocharova. Izd. 2-e. Moskva : Iskustvo, 1986. 445 s.

5. Bekasova E. N., Mironova E. A. Obraz avtora i sobesednika v chelobitnyh protopopa Avvakuma = The image of the author and interlocutor in the petitions of Archpriest Avvakum // Kommunikativnye processy v obrazovatel'nom prostranstve. 2015. S. 85–93.

6. Beljankin Ju. S. Problema ispravlenija Simvola very v antistarobrjadcheskih proizvedenijah vtoroj poloviny XVII v. = The problem of correcting the Creed in anti-Old Believers' works of the second half of XVII century // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija. 2013. № 1. S. 39–50.

7. Borisenko K. G. Bogoslovsko-polemichnij traktat Simeona Polock'kogo «Zhezl pravlenija...» i tradicii religijnoi polemiki «Kiivs'koï shkoli» // Polacki muzejny shtogodnik : zbornik navukovyh artykulaŭ za 2014 g., Polack, 01 janvarja – 31 2014 goda. Polock : Nauchno-issledovatel'skoe i prosvetitel'noe uchrezhdenie kul'tury

«Nacional'nyj Polockij istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik», 2015. P. 206–219.

8. Veselovskij A. N. Izbrannoe: Istoricheskaja pojetika = Selected works: Historical poetics. Moskva: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJEN), 2006. 668 s.

9. Vishenskij I. Zachapka mudrogo latynnika z glupym rusinom. Moskva–Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 1955. 372 s.

10. Volkov S. S. Leksika russkih chelobitnyh XVII veka: Formuljar, tradic. jetiketnye i stilevyje sredstva = Lexicon of Russian petitions of XVII century: Formular, traditional etiquette and style means. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1974. 164 s.

11. Davydov V. V. Problemy razvivajushhego obuchenija: Opyt teoreticheskogo i jeksperimental'nopsihologicheskogo issledovanija = Problems of educational development: Experience in theoretical and experimental-psychological research. Moskva: Pedagogika, 1986. 239 s.

12. Demin A. S. «Zhezl pravlenija» i aforistika Simeona Polockogo = «The rod of government» and the aphoristics of Simeon Polotsky // Simeon Polockij i ego knigoizdatel'skaja dejatel'nost'. 1982. S. 60–92.

13. Eleonskaja A. S. Russkaja publicistika vtoroj poloviny XVII veka = Russian journalism in the second half of XVII century / Akad. nauk SSSR, In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. Moskva: Nauka, 1978. 271 s.

14. Zagumennov A. V., Mamatov G. M. Rechevoj zhanr «tolkovanie» v jepohu russkogo cerkovnogo raskola XVII veka s pozicij germevnticheskogo i lingvopersonologicheskogo aspektov (na materiale «Knigi tolkovanj i nrovouchenij» Avvakuma) = Speech genre «interpretation» at the time of the Russian church schism in the XVII century from the hermeneutical and linguopersonological aspects (based on Avvakum's «Book of Interpretations and Moral Teachings») // Zhanry rechi. 2023. T. 18, № 1 (37). S. 15–23.

15. Kasavin I. T. Jenciklopedija jepistemologii i filosofii nauki = Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. Moskva: Kanon + ROOI «Reabilitacija», 2009. 1248 s.

16. Kytmanova E. A. Zhanr kak kul'turnaja forma = Genre as a cultural form // Russkij jazyk: obrazovanie, nauka, kul'tura: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoi sessii, Moskva, 23–25 nojabrja 2022 goda / pod obshh. red. S. M. Kolesnikovoj. Moskva: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2022. S. 26–32.

17. Lotman Ju. M. Avtokommunikacija: «Ja» i «Druvoj» kak adresaty (O dvuh modeljah kommunikacii v sisteme kul'tury) = Autocommunication: «I» and «Other»

as addressees (On two models of communication in the culture system) / Semiosfera. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo – SPB», 2010. S. 163–177.

18. Materialy dlja istorii raskola za pervoe vremja ego sushhestvovanija, izdavaemye Bratstvom sv. Petra mitropolita = Materials on the history of the schism during its early days, published by the Brotherhood of St. Peter the Metropolitan = Materialy dlja istorii raskola za pervoe vremja ego sushhestvovanija, izdavaemye redakciej «Bratskogo slova» / pod red. N. Subbotina. T. 2.: Dokumenty, soderzhashhie izvestija o lichah i sobytijah iz istorii raskola za pervoe vremja ego sushhestvovanija. Ch. 2. Akty, odnosjashiesja k soboru 1666–1667 goda, T. 2. Moskva: Tip. Je. Lissner i Ju. Roman, 1876. 430 s.

19. Panich T. V. Cerkovnye pisateli vtoroj poloviny XVII veka v bor'be s raskolom = Church writers of the second half of XVII century fighting the schism // Istoricheskij kur'er. 2024. № 2 (34). S. 147–155.

20. Polockij Simeon. Zhezl pravlenija. = The rod of government. Moskva: Pechatnyj dvor, [10 fevralja – 10 ijunja 1667]. 154 l.

21. Robinson A. N. Bor'ba idej v russkoj literature XVII veka = The struggle of ideas in Russian literature of XVII century / AN SSSR. In-t mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo. Moskva: Nauka, 1974. 404 s.

22. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. = Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries / AN SSSR, In-t rus. jaz.; redkol.: S. G. Barhudarov (otv. red.) [i dr.]. Vypusk 18 (Potka–Prenachal'nyj). Moskva: Nauka, 1992. 288 s.

23. Slovar' russkogo jazyka XVIII veka. Vypusk 23 (Potrata – Presvetlyj) = Dictionary of the Russian language XVIII century. Issue 23 (Potrata – Precious). Moskva: Izdatel'skij Dom JaSK, 2024. 352 s.

24. Uzhankov A. N. Kartina mira drevnerusskogo knizhnika. Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury: Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury = The Old Russian scribe's world picture. Categories of Russian medieval culture: Categories of Russian medieval culture: monografija // Ministerstvo kul'tury Rossijskoj Federacii, Rossijskij nauchno-issledovatel'skij institut kul'turnogo i prirodnogo nasledija imeni D. S. Lihachjova. Moskva: In-t nasledija, 2022. 209 s.

25. Uspenskij B. A. Raskol i kul'turnyj konflikt XVII veka = The schism and cultural conflict of XVII century / Izbrannye trudy: [v 2 t.]. Moskva: Gnozis, 1994. T. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. 1994. S. 333–367.

26. Flier A. Ja. Forma kul'turnaja = Cultural form // Kul'turologija. XX vek: jenciklopedija: v 2 t. Sankt-Peterburg: Universitetskaja kniga. OOO «Aletejja», 1998. T. 2. S. 307–308.

Статья поступила в редакцию 24.05.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 24.05.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025